МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Кирпичников Иван Алексеевич

Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель	**Флоря Борис Николаевич,** член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
Официальные оппоненты	**Беляков Андрей Васильевич,** доктор исторических наук, ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук», Центр истории русского феодализма, старший научный сотрудник
	Козляков Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», Институт истории, философии и политических наук, кафедра истории России, историографии и источниковедения, профессор
	Павлов Андрей Павлович, доктор исторических наук, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт истории, кафедра истории России с древнейших времен до XX века, профессор

Защита диссертации состоится «13» сентября 2021 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.01 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ауд. А–419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: https://istina.msu.ru/dissertations/370877366/

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент Н.Г. Абрамова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Диссертационное исследование посвящено ключевому явлению европейской истории раннего Нового времени – формированию суверенных территориальных государств. Важным аспектом этого процесса являлась интеграция региональных элит в единое политическое пространство. Данная проблема рассматривается в диссертации на примере Рязанской земли, которая сравнительно поздно вошла в состав Московского государства. Особенности интеграции местной служилой элиты до сих пор не становились предметом специального изучения.

Степень разработанности темы. В историографии Московской Руси на протяжении длительного периода практически не уделялось внимания региональным сообществам, которые представлялись лишь вре́менными препятствиями на пути формирования «централизованного государства». Альтернативный подход, предложенный в рамках земско-областной традиции, не оказал значимого влияния на изучение истории России раннего Нового времени. Только в последние десятилетия XX – начале XXI в. постепенно складывается теоретическая рамка, которая позволяет описывать как преемственность, так и дисконтинуитет в развитии локальных сообществ, а также их роль в самодержавном государстве.

История рязанской служилой элиты принадлежит к числу недостаточно изученных сюжетов. Некоторые наблюдения относительно боярства Великого княжества Рязанского были сделаны в классическом сочинении Д.И. Иловайского[1]. В работе предложена концепция соперничества двух придворных партий – сторонников и противников московского влияния. Следуя известию С. Герберштейна, Д.И. Иловайский полагал, что после присоединения княжества местная верхушка подверглась насильственному переселению.

[1] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 2008.

К истории рязанского боярства как особой социальной группы обратился А.А. Зимин[2]. Местная верхушка охарактеризована им как разнородная по происхождению, «замкнутая и небольшая по численности корпорация», не связанная с элитой Северо-Восточной Руси. А.А. Зимин проанализировал данные о ключевых боярских фамилиях Великого княжества Рязанского. Исследователь отметил, что рязанские бояре, «оставившие на произвол судьбы своего сюзерена, вошли без какого-либо особенного “перебора” в состав московского великокняжеского двора» и сохранили свои вотчины.

Наиболее значительный вклад в исследование рязанской элиты внесла С.И. Сметанина. В работе «Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Московскому государству» на обширном источниковом материале обоснован тезис о том, что утрата княжеством самостоятельности не сопровождалась существенными переменами в составе местного служилого населения[3]. Преемственной со временем рязанской независимости оставалась также иерархия служилых людей, отразившаяся в «Дворовой тетради». Диссертация С.И. Сметаниной посвящена опричной «реформе» в Рязанском уезде[4]. Исследование показало, что в результате этого мероприятия значительно изменилась структура местного землевладения, а рязанский служилый «город» пополнился новыми помещиками.

В историографии получил широкое распространение тезис об «обособленности» рязанских служилых людей, которые «жили своими провинциальными интересами» и не играли большой роли в государственном аппарате и при дворе. Такая точка зрения представлена в классической монографии М.Н. Тихомирова[5]. В серии обзорных статей, посвящённых

---

[2] *Зимин А.А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI века // История СССР. 1973. № 3. С. 124–142; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

[3] *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 49–80.

[4] *Она же*. Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика: дис. … канд. ист. наук. М., 1982.

[5] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

рязанскому дворянству XVI–XVII вв., развитие этой логики предложила А.М. Клеймола[6]. По заключению исследовательницы, к моменту присоединения княжества «окно возможностей» при московском дворе было уже закрыто, поэтому местные служилые люди не включились в борьбу за позиции в столице, но остались в традиционных рамках уездного «микрокосма». М.М. Бенцианов отметил, что во второй четверти – середине XVI в. потомки рязанских бояр продолжали «нести службу на южных рубежах, неподалеку от своих вотчин»[7].

Некоторые аспекты истории рязанской элиты рассмотрены в исследованиях А.В. Кузьмина, Б.Н. Флори, О.А. Шватченко[8]. Работы П.О. Горбачева, В.Н. Козлякова, А.В. Лаврентьева, Я.Н. Рабиновича посвящены отдельным семействам и конкретным представителям рязанской верхушки, причём особое внимание традиционно уделяется Ляпуновым[9]. В статье А.О. Никитина

---

[6] *Kleimola A.M.* From Here in Obscurity: The Riazan' Provincial Elite and the Moscowite State in the 16th–17th Centuries // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994. Ч. 2. С. 287–301; *Idem.* Genealogy and Identity among the Riazan' Elite // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 284–300; *Idem.* Holding On in the «Stamped-Over District» – the Survival of a Political Elite: Riazan' Landholders in the Sixteenth Century // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1. P. 129–142.

[7] *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019; *Он же.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021.

[8] *Кузьмин А.В.* Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 48–59; *Флоря Б.Н.* Власть, землевладельцы и «служилое» население в Рязанской земле конца XIV – начала XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». М., 2014. С. 229–234; *Он же.* Лекции по русской истории. М., 2021 (в печати); *Он же.* Особенности отношений великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века) // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2019. Вып. 6. С. 5–13; *Шватченко О.А.* Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI – 20–30-е гг. XVII вв. // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 348–365.

[9] *Горбачев П.О.* Прокопий Ляпунов – русский политический и военный деятель начала XVII в.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 1999; *Козляков В.Н.* Герои Смуты. М., 2012; *Он же.* Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках // Четвертые Яхонтовские чтения. Рязань, 2008. С. 368–378; *Он же.* Спорные вопросы изучения служилого «города» в Смутное время начала XVII века и «феноменология» Прокофия Ляпунова // Российская история. 2013. № 6. С. 129–140; *Лаврентьев А.В.* «Полашь Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 60–77; *Назаров В.Д.* Феномен П.П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур. СПб., 2012. С. 212–224; *Никитин А.О.* Где искать усадьбу вождя Первого земского ополчения (О землевладении Ляпуновых в канун Смутного времени) // Шестые Яхонтовские чтения. Рязань, 2012. С. 187–

проанализированы судьбы рязанских служилых людей конца XVI – начала XVII в. и намечены перспективы изучения местного «города»[10].

Объектом исследования является рязанская служилая элита – группа родов рязанских землевладельцев, члены которых имели привилегированный статус в чиновных иерархиях Великого княжества Рязанского, а затем – Московского государства.

Предмет исследования – процессы трансформации данной социальной группы на протяжении конца XV – первой трети XVII в.

Целью работы является исследование интеграции рязанской элиты в пространство (культурное, социальное, политическое) Московского государства. Интеграция определяется нами как процесс формирования единства, установления более регулярных и интенсивных связей, обменов и взаимообусловленностей между группой и обществом, частью которого она становится. Мы выделяем несколько аспектов (критериев) процесса интеграции рязанской элиты, которые являются сквозными сюжетами исследования: статус в иерархии общегосударственного правящего слоя; служебная мобильность; землевладение; социальные связи.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**, в соответствии с которыми организованы главы работы:

1) Исследование процессов формирования рязанской элиты и анализ положения данной социальной группы на завершающем этапе самостоятельности Великого княжества Рязанского;

2) Изучение положения рязанской элиты и процессов трансформации данной социальной группы в период между присоединением Великого княжества Рязанского к Москве и началом Смутного времени;

205; *Рабинович Я.Н.* Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014; *Он же.* Братья Семен и Никита Гагарины: Страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015.

[10] *Никитин А.О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 163–182.

3) Реконструкция участия рязанской элиты в событиях Смутного времени, а также изучение положения и процессов трансформации данной социальной группы на протяжении первой трети XVII в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XV по конец первой трети XVII в. Нижняя хронологическая граница обусловлена необходимостью всестороннего изучения истории рязанской элиты накануне присоединения княжества к Москве. Выбор верхней хронологической границы определяется, прежде всего, состоянием источниковой базы. Большое значение имеет возможность полноценного привлечения «послепожарных» материалов (созданных или восстановленных после московского пожара 1626 г., уничтожившего значительные документальные комплексы приказных архивов), которые содержат систематические сведения относительно изучаемой социальной группы. В отдельных случаях выполнение поставленных задач требовало обращения как к более раннему, так и к более позднему периодам.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые на основе широкого круга источников изучен процесс интеграции рязанской элиты в состав Московского государства. В отличие от целого ряда других регионов, в Рязани не произошло «вывода» землевладельцев, и этот случай позволяет проанализировать постепенную трансформацию верхушки локального служилого сообщества в длительной временно́й перспективе. В диссертации также впервые подробно рассматриваются сюжеты, каждый из которых составляет необходимый контекст исследования: история ключевых рязанских родов, система управления и землевладельческая структура региона в конце XV – первой трети XVII в., а также деятельность местного «города» в период Смутного времени.

Методы исследования. Работа основана на использовании просопографического метода. Собранная база данных насчитывает более трёхсот служилых людей (представителей элиты и их родственников), происходивших из примерно сорока рязанских родов. Создание «коллективной биографии» позволяет выявить типичные и особенные черты в индивидуальных траекториях, а также общие закономерности в развитии рязанской элиты. Сравнительный метод

представлен в диссертации ассиметричным сравнением, при котором сопоставительные данные привлекаются для выявления характерных черт и новых аспектов изучаемого явления.

Источниковую базу исследования составляет обширный комплекс опубликованных и неопубликованных материалов. Особенно большое значение имеет делопроизводственная документация из фондов Разрядного (Ф. 210) и Поместного (Ф. 1209) приказов Российского государственного архива древних актов. Состав рязанской элиты отражают служебно-учётные документы, наиболее важными из которых являются «Дворовая тетрадь» и «Тысячная книга», боярские списки и книги. Данные о назначениях членов «государева двора» содержатся в разрядных книгах – сводах ежегодных росписей, в которых учитывалось прохождение службы. К этим материалам примыкают документальные комплексы, связанные со станичной и сторожевой службами на «Диком поле», а также строительством городов на этой территории.

Землевладение рязанской элиты реконструируется на основе писцовых описаний. На фоне других областей Московского государства изучаемый регион отличает высокая степень сохранности как платежных и приправочных книг конца XVI в., так и материалов «валового письма» второй половины 1620-х гг. В исследовании использовались также несколько столбцов Поместного приказа, главное содержание которых составляет текущее делопроизводство, связанное с обустройством поземельных отношений.

Генеалогия рязанских фамилий представлена в родословных росписях, поданных в Палату родословных дел в конце XVII в. Помимо информации о происхождении и родственных связях служилых людей, эти источники содержат и другие ценные для исследователя сведения. Дворяне целенаправленно включали в росписи упоминания о значимых службах и пожалованиях, а также воспоминания об обстоятельствах гибели однородцев.

Различные аспекты истории изучаемой группы отражены в актах, которые восходят к частным архивам рязанских служилых людей и сохранились, главным образом, в составе фондов церковных или государственных учреждений. Эти

источники содержат значительный биографический и генеалогический материал, а также сведения о социальных связях, землевладении и служебных назначениях представителей рязанской элиты. Благодаря относительно большому количеству актов, сохранившихся от эпохи Великого княжества Рязанского, стала возможной реконструкция состава и чиновной иерархии местного боярства.

Значимая информация представлена в синодиках, а также вкладных и кормовых книгах. Эти источники позволяют анализировать поминальные практики служилых людей: содержание и размеры вкладов, их распределение по различным обителям Московского государства. Помимо опубликованных материалов из архивов крупнейших русских обителей, в диссертации использованы синодики из собрания Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Дополнительные сведения о мемориальных стратегиях рязанской элиты дают эпиграфические памятники (надписи на надгробных плитах).

Важную, но вспомогательную роль на протяжении большей части исследования играют нарративные источники. Рязанские известия содержатся в Никоновской летописи. Повествовательные памятники (прежде всего, «Новый летописец» и «Карамзинский хронограф») приобретают большое значение при изучении деятельности рязанских служилых людей в период Смутного времени. Ценную информацию о событиях в Рязанской земле сообщают, кроме того, иностранные авторы.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом, который диссертация вносит в разработку проблемы интеграции региональных элит в государствах раннего Нового времени. Предложенный подход может быть использован при изучении других локальных сообществ Московской Руси, а полученные результаты – для сравнительно-исторических исследований.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут использоваться при подготовке учебно-методических пособий, общих и специальных учебных курсов по истории России XVI–XVII вв. Материалы работы могут быть полезными для краеведческих и генеалогических исследований.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования представлены на 16 международных и всероссийских научных форумах и конференциях[11], а также в 11 публикациях (общим объёмом 5,9 п.л.), из которых 4 статьи (объёмом 2,1 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения, выносимые на защиту:

1. В начале XVI в. рязанский великокняжеский двор оказался в состоянии кризиса, который был вызван отъездами выходцев из боярских фамилий на московскую службу. Ко времени присоединения княжества рязанская династия практически полностью утратила поддержку первостепенных местных родов. Моментом окончательной ликвидации рязанской самостоятельности следует считать присягу оставшихся бояр и детей боярских на имя Василия III, которая произошла в ходе татарского набега летом 1521 г.

[11] XXIV Международная научная конференция «Ломоносов – 2017» (Москва, 2017), III Всероссийская научная конференция «Некрасовские чтения» (Вологда, 2018), XXV Международная научная конференция «Ломоносов – 2018» (Москва, 2018), VII Всероссийская научная конференция «Ноябрьские чтения» (Санкт-Петербург, 2018), VI Международная научно-практическая школа-конференция молодых учёных «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2018), Всероссийская научная конференция «Ключевские чтения» (Москва, 2018), VI Всероссийская с международным участием конференция молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (Ижевск, 2018), I Студенческая научная конференция Школы исторических наук НИУ ВШЭ «Микросюжеты: малые истории о больших процессах» (Москва, 2019), Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2019), The 13th Annual Graduate Conference in European History (Будапешт, 2019), International Conference of Young Philologists (Тарту, 2019), VII Международная научно-практическая школа-конференция молодых учёных «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2019); Международная научная конференция «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова» (Москва, 2019), X Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 2019), Всероссийский общественно-научный форум «Дихотомия войны и мира: приграничные регионы России в переломные исторические эпохи» (Псков, 2020); The 67th Annual Meeting of the Renaissance Society of America (онлайн, 2021).

2. Рязанский случай представляет собой яркий пример мягкой (без применения «вывода») интеграции. Главными особенностями этой модели являлись преемственность традиционной иерархии и старинного землевладения, а также систематическое привлечение представителей местных родов к службам в своем регионе. При этом рязанская элита имела относительно низкий статус в иерархии «государева двора». На протяжении XVI – начала XVII в. ни одна из местных фамилий не смогла прочно закрепиться в составе придворной знати. Карьерное выдвижение рязанцев в эпоху особого «Двора» Ивана IV произошло в нарушение местнических норм и закончилось возвращением большинства из них в чин выборных дворян. Как следствие, на протяжении досмутного периода члены первостепенных рязанских родов сохраняли устойчивые связи с локальным сообществом.
3. Представления о замкнутом и обособленном характере рязанской элиты, сложившиеся в историографии, нуждаются в коррективах. После присоединения княжества выходцы из ключевых местных фамилий были включены в состав общегосударственного правящего слоя, систематически привлекались к дальним службам и постепенно приобретали связи и интересы за пределами традиционного социального круга. Рязанская элита (как и все местное сообщество) трансформировалась под воздействием служилой системы Московского государства. Особенно значительные перемены произошли в результате опричных мероприятий, когда рязанская верхушка лишилась части своих вотчин и пополнилась представителями переселенных семейств. Новым явлением было также появление в регионе крупных владений столичной знати в конце XVI в.
4. В эпоху Смутного времени рязанский «город» систематически объединялся вокруг представителей местной служилой элиты. Выборные дворяне возглавляли локальное сообщество как в ходе антиправительственных выступлений, так и при действиях на стороне Москвы. В период царствования Василия Шуйского в Рязани сформировалась особая модель управления: вся полнота власти была сосредоточена в руках воеводы и думного дворянина

П.П. Ляпунова, опиравшегося на консолидированное ядро местных дворян и детей боярских. Характерной чертой Смуты в Рязанском уезде было противостояние между центром и пригородами, которое свидетельствует о столкновении интересов служилого «города» и других социальных групп.

5. Смутное время открыло новую эпоху в истории рязанских родов. Служилые люди, которые ранее состояли в «выборе», были пожалованы в «московские» чины. Следствием перехода на столичную службу стала постепенная переориентация возвысившихся рязанских семейств на придворную среду, в то время как уездные дела отходили для них на второй план. Родовой состав рязанского выборного дворянства претерпел значительное обновление, которое сопровождалось понижением статуса данной чиновной группы.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цель, задачи и методы исследования, даётся обзор использованных источников и литературы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту, и представляется краткая информация об апробации результатов.

Первая глава («Рязанская элита на завершающем этапе самостоятельности княжества») посвящена истории рязанского боярства. В *первом параграфе* охарактеризована роль этой группы в социально-политическом устройстве Великого княжества Рязанского. Особенностями местной административной практики являлись систематическая фиксация «посреднической» роли представителей элиты при пожалованиях, а также широкое распространение института боярского доклада. Верхушку рязанского двора составляли обладатели придворных чинов, которые имели равное право участия в княжеском совете и рекрутировались из одного круга семейств.

Во *втором параграфе* проанализирован процесс формирования рязанского боярства. Данная часть работы служит также экскурсом в раннюю историю родов, которые являются ключевыми для всего исследования. Показано, что стабильный круг семейств элиты Великого княжества Рязанского сформировался на протяжении второй половины XIV – первых десятилетий XV в. Выдвинуто предположение, что иерархия местных бояр регулировалась местническими принципами старшинства.

В *третьем параграфе* доказывается тезис о том, что частая смена рязанских правителей в конце XV – начале XVI в. не сказывалась на судьбе ключевых членов местной думы. Недостаточно обоснованной представляется концепция, согласно которой рязанский двор раскололся на группировки сторонников и противников московского влияния. Отмечено, что специального изучения заслуживает феномен самостоятельного правления рязанских великих княгинь.

В *четвертом параграфе* рассмотрена конфигурация власти, которая сложилась на последнем этапе существования княжества (в период правления Ивана Ивановича). Наиболее важную роль в управлении в этот период играли бояре Ф.И. Сунбул и Кобяковы. Сохранившиеся грамоты проливают свет на решения боярской «коллегии», которая обладала широкими административными полномочиями и действовала отдельно от князя.

В *пятом параграфе* исследованы службы рязанской элиты, а также вопрос об отъездах к Ивану III и Василию III. Показано, что рязанские бояре возглавляли отряды местных детей боярских, но в случае совместных походов полностью подчинялись московским воеводам. В начале XVI в. местный двор оказался в состоянии кризиса, который был вызван многочисленными отъездами выходцев из наиболее видных родов в Москву. К моменту присоединения княжества местная династия лишилась поддержки большей части элиты. При перевитском наместнике сложилась представительная группа рязанцев, фактически составлявшая альтернативу двору Ивана Ивановича.

Шестой параграф посвящён обстоятельствам присоединения Рязани к Москве. Подчеркивается, что задержание Ивана Ивановича не стало моментом

ликвидации княжества как политического образования. Рязанский двор окончательно прекратил свое существование только в ходе татарского набега, когда местные бояре и дети боярские, не оказав сопротивления, были приведены к присяге на имя Василия III.

Во **второй главе** («Рязанская элита в Московском государстве XVI – начала XVII в.») рассмотрена история рязанской элиты в период между присоединением княжества к Москве и началом Смутного времени. *В первом параграфе* исследован состав местной верхушки и проанализирован статус рязанцев в структуре «государева двора». Сопоставление рязанской рубрики «Дворовой тетради» с синхронными источниками показало, что московское правительство опиралось на традиционную локальную иерархию, в рамках которой привилегированное положение занимали боярские роды бывшего княжества. Рязанская верхушка не оставалась при этом полностью замкнутой социальной группой. К середине XVI в. в её состав были включены двое выходцев из других регионов, а некоторые представители первостепенных местных фамилий перешли на службу по соседним уездам. Во второй половине правления Ивана IV рязанская элита пополнилась помещиками из переселённых княжеских родов и впоследствии – худородными «дворовыми» выдвиженцами.

Рязанская элита имела относительно низкий статус в иерархии «государева двора». Для абсолютного большинства рязанцев пределом возвышения являлся чин выборного дворянина. Представители местных фамилий попадали в верхние слои правящей элиты не благодаря родовому статусу, но в силу исключительных обстоятельств (как, например, думный дворянин Ш.В. Кобяков). Особенно показательны карьеры служилых людей, которые в нарушение местнических обычаев были пожалованы в «московские» чины особого «Двора». После смерти Ивана IV большинство таких выдвиженцев вернулись в «выбор». К середине XVI в. связь со столичной службой установили Булгаковы-Денисьевы; на рубеже XVI–XVII вв. в «московские» чины зачислялись Измайловы, Ржевские и некоторые княжата – однако ни одно из этих семейств не смогло прочно закрепиться в круге придворной знати. Ко времени Смуты рязанское дворянство

оставалось провинциальным, поскольку так и не получило регулярных возможностей для вхождения в верхние слои «государева двора».

Второй параграф посвящён службам рязанской элиты. Показано, что на протяжении всего рассматриваемого периода представители местных родов систематически получали именные назначения в города южного пограничья. В «украинных» центрах сложилась модель управления, первые позиции в которой занимали московские наместники и воеводы, а на вторые назначались выходцы из местных элит, причём все администраторы подвергались постоянной ротации. Рязанские дворяне особенно часто выполняли обязанности голов на территории своего уезда, и такой режим службы позволял им сохранять устойчивые локальные связи. Кроме того, в конце XVI – начале XVII в. рязанцы играли значительную роль при освоении Дикого поля.

Административные, военные и посольские назначения за пределами своего уезда были вполне обычными для рязанских служилых людей уже во второй четверти – середине XVI в. Представители местной элиты систематически получали кормления в других регионах и участвовали в дальних походах. С началом военных кампаний на западном и северо-западном пограничьях во второй половине XVI в. география служб рязанцев еще более расширилась. Особенно интенсивные дальние посылки пришлись на период существования «Двора» Ивана IV, когда многие выходцы из местных родов были включены в состав царского сопровождения. Кроме того, на рубеже веков рязанские дворяне регулярно получали назначения в новопостроенные сибирские города. На таких службах рязанцы действовали в отрыве от своего сообщества в качестве правительственных агентов. Систематическое исследование назначений подтверждает вывод об относительно низком статусе представителей рязанской элиты: они занимали, за редкими исключениями, должности второго плана.

В *третьем параграфе* рассмотрены землевладение, социальные связи и поминальные практики рязанской элиты. На протяжении конца XV – начала XVII в. боярские фамилии составляли прослойку наиболее обеспеченных собственников, земельное богатство которых особенно выделялось на фоне

преобладания в уезде мелких помещиков. Даже масштабные опричные конфискации не привели к необратимому измельчанию вотчинных комплексов старой верхушки. В куда менее благоприятном положении находились новые семейства. Если пришлые служилые люди середины XVI в. смогли приобрести вотчины, то опричные переселенцы и «дворовые» выдвиженцы довольствовались лишь небольшими поместьями. Земельное благосостояние, таким образом, не являлось необходимым условием для попадания в рязанский «выбор». Специальное внимание уделено также проблеме формирования крупного землевладения столичной знати в Рязанском крае в конце XVI в. Высказано предположение, что этот процесс мог привести к росту социальной напряженности в уезде.

Представление, согласно которому рязанские дворяне и дети боярские обособленно «жили своими провинциальными интересами», нуждается в некоторых коррективах. В досмутный период землевладельческие и матримониальные устремления рязанской элиты действительно были сосредоточены в родном уезде. Однако благодаря частым общегосударственным службам выходцы из первостепенных местных родов постепенно приобретали связи и интересы, выходившие далеко за рамки привычной социальной среды. Об этом свидетельствуют, в частности, выявленные вклады рязанцев в престижные монастыри Московского государства.

В *четвертом параграфе* подведены итоги главы; полученные результаты рассмотрены в сравнительных контекстах и проблематизированы в свете темы интеграции. Показано, что на фоне других региональных элит Московского государства XVI – начала XVII в. верхушка рязанского «города» отличалась значительным своеобразием. Потомки местных бояр находились в промежуточном положении: получив доступ к общегосударственным службам, они сохраняли традиционное положение в локальном сообществе и старинное вотчинное землевладение, а также систематически привлекались к управлению городами своего уезда.

Третья глава («Рязанские служилые люди в первой трети XVII в.: Смутное время и его последствия») посвящена истории рязанской элиты в первой трети XVII в., причём особое внимание уделено эпохе Смуты. В *первом параграфе* проанализированы главные объяснительные ходы, посредством которых рязанский «город» включается исследователями в социальные концепции Смуты. Показано, что ключевые представления о роли местного сообщества в событиях этого кризисного периода восходят к классической монографии С.Ф. Платонова. Противоречия между провинциальными служилыми людьми и столичной знатью – наиболее распространенное объяснение активного участия рязанцев в антиправительственных действиях.

Во *втором параграфе* впервые всесторонне реконструировано участие рязанского «города» в событиях Смутного времени. В период кризиса местное служилое сообщество проявило себя в качестве самостоятельной силы и неоднократно отказывало в повиновении столичной администрации. При этом рязанские служилые люди последовательно объединялись вокруг представителей локальной элиты: выборные дворяне возглавляли «город» как при антиправительственных выступлениях, так и в действиях на стороне Москвы. В период правления Василия Шуйского в Рязани сформировалась особая модель управления, при которой вся полнота власти была сосредоточена в руках воеводы и думного дворянина П.П. Ляпунова, опиравшегося на гарнизон лояльных дворян и детей боярских. Характерной чертой Смуты в Рязанском уезде являлся раскол между центром и пригородами, свидетельствующий о столкновении интересов «города» и других социальных групп.

В *третьем параграфе* подробно рассмотрены судьбы отдельных представителей рязанской элиты и проанализированы процессы трансформации этой социальной группы в первой трети XVII в. Отправным моментом изменений являлось верстание Лжедмитрия I, в ходе которого произошло систематическое повышение окладов. Кроме того, за начальный период Смуты в «московские» чины были пожалованы более полутора десятков рязанских выборных дворян. Возвышение местных семейств продолжалось на протяжении правления Василия

Шуйского, причём наиболее стремительно развивались карьеры Измайловых. Примечательно, что некоторые из новопожалованных рязанцев вскоре стали «перелетами» в Тушино. Выдвинуто предположение, что к этому могли привести невозможность удовлетворить возросшие амбиции и неприятие со стороны старой знати. Особенно показателен случай Ржевских, которые в стремлении за думными чинами и земельными пожалованиями оказались сначала в стане Лжедмитрия II, а затем – в королевском лагере под Смоленском. Однако какими бы ни были траектории рязанцев в годы Смуты, после воцарения Михаила Федоровича местные семейства только расширяли представительство в «московских» чинах. Столь же устойчивой тенденцией являлось увеличение окладов.

За первые десятилетия XVII в. произошла масштабная трансформация рязанской элиты. Служилые люди, которые ранее состояли в «выборе», перешли на столичную службу, причём их сыновья и внуки начинали карьеру при дворе, а не в «городовой» иерархии. Как следствие, значительно обновился состав рязанского выборного дворянства. Главным источником этого обновления стали дворовые дети боярские, многие из которых принадлежали к семействам нетитулованных опричных переселенцев. После Смуты статус «выбора» понизился: большинство представителей данной чиновной группы служили в основном «с городом», а их разрядные назначения были ограничены территорией Рязанского уезда.

Четвертый параграф посвящён землевладению и социальным связям рязанской элиты. Особое внимание уделено теме локальных земельных конфликтов, обострившихся в период кризиса. «Измены» рязанцев приводили к перераспределению собственности, главные выгоды от которого получило семейство Ляпуновых. Наследием Смуты стала серия судебных дел, растянувшихся на многие десятилетия, однако лишь в исключительных случаях приобретенные земли могли остаться за новыми хозяевами.

Ландшафт рязанского землевладения значительно изменился под воздействием правительственной политики. Во-первых, местные служилые люди перевели большой объём поместий в вотчины за «осадные сидения». Во-вторых, в

раздачу были пущены дворцовые земли. В период кризиса рязанские дворяне получали отдельные участки из дворцового фонда, но в дальнейшем местный «город» практически утратил к нему доступ. После Смуты в Рязанском уезде значительно расширилось землевладение столичной знати, оттеснившей рязанцев от наиболее выгодных пожалований.

Служилые люди, закрепившиеся в «московских» чинах, переориентировались на придворную среду, в то время как уездные дела отходили для них на второй план. Рязанские дворяне постепенно встраивались в столичную матримониальную сеть, а также приобретали поместья и вотчины вдали от своего региона. Применительно к первой трети XVII в., однако, нет оснований говорить о полном отрыве местных фамилий от уездных корней. Долгосрочные последствия этих изменений нуждаются в дальнейшем исследовании.

В *пятом параграфе* полученные результаты суммированы и проанализированы в сравнительных контекстах. Предложен взгляд на события Смуты в свете проблемы самоорганизации региональных сообществ в кризисных условиях. В отличие от многих других уездов, в Рязани не сложилось «земских» органов управления, которые бы обеспечивали равноправное участие различных социальных групп. Важной особенностью властной конфигурации, сложившейся в Рязанском крае, было долговременное и монопольное господство местного семейства. Переход рязанских фамилий на столичную службу рассмотрен в контексте общей трансформации «государева двора» в первой трети XVII в.; высказаны гипотезы относительно движущих сил этих изменений. Показано, что привлечение широких кругов провинциального дворянства в Москву расширяло непосредственную опору центральной власти и в то же время ограничивало возможности влияния на местные дела.

В **заключении** подведены итоги исследования, а также поставлен вопрос о типологических особенностях Московского государства XVI–XVII вв. в ряду европейских монархий раннего Нового времени. В Московском государстве не был представлен ключевой элемент композитарной модели, распространенной в Западной Европе: политическая субъектность локальных элит, которые выступали

бы самостоятельными контрагентами центральной власти. Исследование рязанского случая показывает, что даже в отсутствие «вывода» столичная администрация имела практически неограниченные возможности для того, чтобы определять все аспекты жизни провинциального сообщества. Местная верхушка, не получив специальных привилегий в качестве правящего слоя своей «земли», была преобразована в одну из групп общегосударственной служилой элиты. Смутное время продемонстрировало, что главной точкой притяжения для первостепенных рязанских родов оказался не родной уезд, а столичный двор. Московская служилая система, таким образом, успешно обеспечила интеграцию региональной элиты.

Приложения представляют собой материалы, относящиеся к тематике диссертации и дополняющие исследование. В *приложении 1* приведены генеалогические схемы шести рязанских родов. В *приложениях 2–7* содержатся списки состава рязанской элиты рассматриваемого периода. *Приложение 8* посвящено подробному анализу земельных конфликтов в Рязанском уезде, возникших в результате событий Смутного времени.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RCSI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология:

1. *Кирпичников И.А.* «Воевода и властель Резанские страны»: Рязань под управлением Прокопия Ляпунова // Человеческий капитал. 2020. № 1. С. 11–16. (0,4 п. л.) Импакт-фактор по РИНЦ – 0, 487.
2. *Кирпичников И.А.* Боярство Великого княжества Рязанского в начале XVI века // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2020. № 4. С. 47–50. (0,3 п. л.) Импакт-фактор по РИНЦ – 0, 247.

3. *Кирпичников И.А.* Дьяческий аппарат Великого княжества Рязанского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 114–120. (0,5 п. л.). Импакт-фактор по РИНЦ – 0, 513.
4. *Кирпичников И.А.* Рязанский служилый «город» в историографических концепциях Смутного времени // Клио. 2021. № 3. С. 39–45. (0,9 п. л.) Импакт-фактор по РИНЦ – 0, 125.

Другие публикации по теме диссертации:

1. *Кирпичников И.А.* Персональные связи в Московском государстве XVI века: случай «дела о вымученной купчей» // Материалы III Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения». Вологда, 2017. С. 128–132. (0,2 п.л.)
2. *Кирпичников И.А.* Россия XVI–XVII вв. как конгломерат «государств»: к постановке проблемы // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2018. С. 29–37. (0,4 п.л.)
3. *Кирпичников И.А.* «А Прокофей, государи, был мне недруг»: локальные конфликты в Рязанском уезде в период смуты // Европа в Средние века и Новое время: власть, общество, культура. Ижевск, 2019. С. 234–241. (0,4 п.л.)
4. *Кирпичников И.А.* «Был за воеводы место»: центральная власть и элиты служилых городов в начале правления Василия Шуйского // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2019. С. 94–104. (0,5 п.л.)
5. *Кирпичников И.А.* Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа боярских списков 1602–03 и 1606–07 гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 589–593. (0,3 п.л.)
6. *Кирпичников И.А.* Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.) // Рязанская старина. 2009–2018. Рязань, 2019. Вып. 7–10. С. 22–42. (1,8 п.л.)
7. *Кирпичников И.А.* Элита рязанского служилого «города» в начальный период Смуты: путь в «московские» чины // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 95–96. (0,2 п.л.).